

СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ 1900-х гг.

А.Л.Семенова

Гуманитарный институт НовГУ, alsemenova@mail.ru

В статье прослеживается взаимосвязь русской публицистики начала XX в. с литературой и философией. Анализируется социальная роль публицистических полемик.

Ключевые слова: публицистика, философия, полемика

Interrelation of Russian social and political journalism of the beginning of the XXth century and philosophy is shown. A social role of disputes on political and social issues is analyzed.

Keywords: social and political journalism, philosophy, controversy

Широкое обсуждение проблем теории публицистики наблюдалось в отечественной науке в 70-80 годы минувшего века [1-7]. Постановка про-

блемы и подходы к ее решению заслуживают внимания и на современном этапе исследования публицистики.

Публицистика — вид журналистской деятельности, предполагающий выявление, анализ и оценку общественно-значимых фактов, событий с целью актуализации их для общественного мнения, результатом чего становится изменение общественной практики [8].

Принципы взаимоотношения литературы и публицистики — одна из сложных проблем. Думается, очевиден тот факт, что нельзя отождествлять публицистику (вид журналистской деятельности) с литературой (вид художественного творчества), но при этом необходимо принимать во внимание их несомненную близость.

М.С.Черепанов определяет публицистику как род литературы [9], подобное же толкование приводится и в современном интернет-ресурсе: «*Публицистика*. От лат. *Publicus* — специфический род литературы, *публицистика* рассматривает актуальные проблемы жизни и деятельности общества, его культуру, политику, философию, экономику и др.» [10]. Как вид литературы она определяется в словаре иностранных слов: «Публицистика (лат. *publicus* общественный) — вид литературы, посвященный обсуждению насущных социальных вопросов с целью прямого воздействия на общественное мнение; публицистика тесно связана с текущей прессой; произведения этого вида (статьи, очерки, памфлеты, фельетоны и др.)» [11].

Журналистика в России была изначально тесно связана с наукой и литературой, так как и та, и другая обеспечивали политически нейтральным и цензурно допустимым содержанием большинство газет и журналов. При этом политическая жизнь как самостоятельный общественный институт в России отсутствовала.

Проявлением квази-политической активности стали «литературные направления». Но «за ними не стояли так явно и непосредственно широкие социальные и политические различия *практического* характера. <...> Робкая мысль шла поэтому окольным путем, замкнулась в дальнейшей более утонченной и «опосредствованной» сфере — *литературных* направлений. Последние казались какими-то теоретическими, далекими от деловых интересов, витавшими в интеллигентской области всякого рода умствования и словесности», — так писал В.Мачинский [12] об этой особенности отечественной журналистики.

Очень долгое время понятия *журналист* и *литератор* являлись синонимами. И если в газетной периодике во второй половине XIX в. стремительно проходил процесс специализации функций сотрудников изданий: корреспондент, фельетонист, хроникер, то журнальная пресса с преобладанием такого классического жанра публицистики, как статья, все продолжала тяготеть к литературе. Неудивительно, что такие известные публицисты начала XX в., как В.И.Ленин, А.А.Богданов, называли себя «литераторами». Не случайно в статье Волжского об известном публицисте начала XX в. В.В.Розанове написано: «Замечательно интересный писатель!» [13]. Критические статьи в начале XX в., посвященные современной журналистике, анализировали ситуацию, которая складывалась в «журнальной литературе».

При этом публицистика была неотделима и от философии, политики, общественной деятельности. Например, в одной из статей по истории русской общественной мысли говорилось, что конец 90-х годов XIX в. «был золотой век литературной и общественной деятельности Петра Струве» [14].

Публицист, литератор, философ, общественный деятель — в начале XX в. эти виды занятий были взаимосвязаны самым тесным образом. «В наших журналах... литературы почти нет, ей отводится все меньше и меньше места, и более всего называют у нас литераторами общественных деятелей, пишущих статьи по деловым злободневным вопросам. <...> Литература, идеология окончательно слилась и отождествилась с общественной деятельностью... потеряла всякое самостоятельное значение. <...> Журналы... делают благородное, полезное, нужное дело, но пусть не называют это литературой, пусть прямо скажут, что они не участвуют в творчестве культуры», — сетовал Н.Бердяев [15].

К тому же интерес к философии на рубеже веков и в начале XX в. был высоким. А.Богданов отмечал: «В литературе и в публике теперь наблюдается необычно сильное увлечение философией» [16]. А в статье И.Давыдова, посвященной собственно философским проблемам, подчеркивалось, что «соображения... могут носить здесь только публицистический характер. <...> Жизнь в наше время такова, что публицистике всюду и во всем место» [17].

Точно и глубоко охарактеризовал эту особенность русской публицистики Волжский, отмечая, что российская академическая философия «еще очень небогата, чаще всего зависима и малокровна», ей сопутствует «художественная философия изящной литературы». По мнению критика, «значительные философские дарования ушли у нас в публицистику, которая в силу исторических особенностей русской жизни заняла у нас совершенно своеобразное положение. В публицистике нашей сложным клубком сплелись интересы и вопросы художественные, философские, научные, моральные, религиозные...». Философичность русской литературы соотносилась с философичностью отечественной публицистики, так как «недифференцированность русской мысли и слитность духовных интересов русских людей в общей причудливой спайке публицистики... способствовала тому, что значительные русские философские силы растворились и... затерялись в пестрой паутине текущей общественности, в сутолоке журналистики. Такими философами в публицистике, людьми огромной умственной силы, писателями, имеющими свою философскую индивидуальность, но не создавшими своей философской системы, были очень многие русские писатели» [18].

Однако на фоне событий первой русской революции все яснее ощущались существенные перемены не только в российской социально-политической системе, но и в общественной мысли. Поэтому весной 1905 г. Бердяев писал: «Но скоро, верю, что скоро уже будет иначе. Произойдет культурная дифференциация, политика отойдет к практической жизни и газетам, общественную арифметику нельзя уже будет выдавать за литературу, за творчество культуры» [19]. Это

должно было предопределить типологические изменения в системе русской периодической печати.

Этот процесс охарактеризовала современная исследовательница истории отечественной печати: «В конце XIX — начале XX в. толстый журнал вновь быстро прошел все этапы развития этого типа издания в XIX в.: от энциклопедического к публицистическому. Но в прошедшем веке каждый этап занимал 30-40 лет, в начале нового — подтип журнала изменялся за 5-10 лет» [20].

Таким образом, в начале XX в. публицистика тяготела к философии, и философичность была своеобразной чертой всей публицистики, да и всей русской общественной мысли того времени.

Однако не только традиционная недифференцированность была причиной повышенного интереса к философии в публицистике рубежа XIX-XX вв. и начала XX в. Философия вышла на первый план в связи с важным процессом, происходившим в общественной русской мысли, где уже в конце 90-х годов наметился кризис марксизма. С.Булгаков писал о «недавно миновавшем литературно-общественном эпизоде русской жизни» — о «борьбе марксизма с народничеством» [21].

Марксизм и народничество отразили принципиальную социально-политическую оппозицию: ставка на рабочий класс в марксизме и ставка на крестьянство в народничестве как на общественные силы, развитие которых определяет социальный прогресс всего общества. Эта оппозиция была обусловлена социально-экономическим развитием России после крестьянской реформы 1861 г. Торжество марксизма было предопределено развитием буржуазно-капиталистической модели развития в России второй половины XIX в. Этому сопутствовал и прогресс идей. По утверждению М.Ольминского, «литература всегда бывает застрельщиком передовых идей, а, пожалуй, и главным виновником их торжества» [22]. Марксистские легальные журналы сделали немало для популяризации идей марксизма в русской публике.

Но торжество марксистского учения в русском образованном обществе было омрачено идейным кризисом, когда бывшие марксисты П.Струве, М.Туган-Барановский, С.Булгаков, Н.Бердяев выступили с критикой прежде поддерживаемой ими материально-экономической теории. И тогда на защиту догмата, писал И.Давыдов, встали «представители ортодоксального марксизма против «трансцендентальных» марксистов, как предупредительно поспешили окрестить сторонников нового направления гг. народники» [23].

Полемика позитивистов и идеалистов стала одним из центральных сюжетов публицистики начала XX в. Необходимо подчеркнуть, что ни позитивистское, ни идеалистическое течение в русской общественной мысли этого периода не были однородными. Идеи А.Богданова получили резкий отпор со стороны ортодоксальных марксистов — достаточно вспомнить знаменитую книгу Ленина «Марксизм и эмпириокритицизм», а о разнообразии идеалистических исканий очень точно высказался С.Булгаков: «В нашей лите-

ратуре общим именем «идеализма» теперь покрываются несродные друг другу и внутренне даже глубоко различные мирозерцания...» [24].

В начале XX в. спор марксистов с народниками отошел на второй план и более актуальным оказался спор о сущности марксизма и социального прогресса между ортодоксами и «бывшими марксистами». Современниками это оценивалось не без иронии: «Полемика их (марксистов. — А.С.) с единомышленниками Михайловского ослабела... потому, что объявились у них и новые противники — «идеалисты». <...> От них (ортодоксов. — А.С.) отошли некоторые «intellectuel'и», привлеченные в свое время модой, но разве потеря *таких* людей может когонибудь ослабить? Ортодоксы никогда не считали центром своих сил кучку «intellectuel'ей»» [25].

Полемики в истории отечественной журналистики — явление традиционное и весьма распространенное. Они позволяют представить средствами массовой информации весь спектр социально значимых тем. А «данные экспериментальной психологии и социологии говорят о том, что усвояемость информации несомненно выше в том случае, когда она становится предметом обсуждения» [26].

Осмысление информации, полученной из СМИ, является важным фактором общественного мнения, которое в свою очередь влияет на общественную практику. «Эффективность в журналистике — это мера воздействия на общественное мнение, а через него на общественную практику» [27]. Нельзя не согласиться с В.В.Ученовой, считающей, что «публицистическая полемика — важный момент общественно-политического саморегулирования» [28].

Полемики — естественный и постоянный атрибут журналистики, однако «идея диалога для публицистики особенно важна в переходную эпоху» [29], так как в кризисные периоды полемики получают большой резонанс и имеют более существенное влияние на общество. Это связано с ключевыми функциями публицистических полемик. «Полемика в публицистике, говоря условно, выполняет как бы две функции. Она способствует более глубокому познанию истины... Вместе с тем полемика является важным средством убеждения в определенной истине читателя или слушателя» [30]. В период кризиса важно как постичь истинность происходящего, так и быть убежденным в правоте своей общественной позиции. Потому-то полемисты стремятся быть максимально убедительными в эпохи реформ и перемен.

П.Новгородцев на страницах «Нового пути» писал, что «задача нашего времени состоит в том, чтобы передумать старую и вечную истину в связи с современными потребностями и сомнениями, чтобы сделать эту истину доступной и понятной изверившемуся сознанию» [31]. Об этом же размышляли и оппоненты идеалистов. С позиций классовой борьбы и не без категоричности автор марксистского журнала «Правда» утверждал: «Общество наше не жило еще сознательной разумной жизнью... Мы говорим не столько об отдельных последовательных умах, сколько о толкующихся в смятении и в недоумелом ослеплении вокруг учителей, слушателей и читателей» [32].

Полемика между позитивистами и идеалистами в публицистике начала XX в., безусловно, влияла на формирование новых ценностных ориентиров русского общества. что находило отражение в социально-политическом процессе.

1. Ученова В.В. Публицистика и политика. М., 1973. 232 с.
2. Ученова В.В. Гносеологические проблемы публицистики. М.: МГУ, 1971. 146 с.
3. Черпахов М.С. Проблемы теории публицистики. М., 1971. 191 с.
4. Горохов В.М. Закономерности публицистического творчества. М., 1975. 187 с.
5. Здоровега В.И. Слово тоже есть дело. Некоторые вопросы теории публицистики. М., 1979. 174 с.
6. Прохоров Е.И. Публицистика в жизни общества. М.: МГУ, 1968. 102 с.
7. Прохоров Е.И. Искусство публицистики. М., 1984. 360 с.
8. Семенова А.Л. // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2008. Вып.2. Ч.II. С.332-338.
9. Черпахов М.С. Указ. соч. С.23.
10. Словарь терминов -- <http://korrespondent.ru/tesaurus/207/6630/>
11. Словарь иностранных слов. 18-е изд., стереотип. М.: Рус.яз., 1989. 624 с.
12. Мачинский В. Среди журналов // Правда. 1906. №2. Кн.4. С.108-109.
13. Воляжский. Мистический пантеизм В.В.Розанова // Новый путь. 1904. №12. С.39.
14. Канель В.Я. Либералы и их политика // Правда. 1906. №2. Кн.3. С.59.
15. Бердяев Н. Дневник публициста: Культура и политика. (К философии новой русской истории) // Вопросы жизни. 1905. № 4-5. С.330.
16. Болданов А. Философский кошмар // Правда. 1904. №6. С. 258.
17. Давыдов И. Об идеализме, марксизме и народничестве // Вопросы жизни. 1905. №7. С.313.
18. Воляжский. Указ. соч. С.30.
19. Бердяев Н. Указ. соч. С.331.
20. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века: Учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2004. С.128.
21. Булгаков С. Без плана: I. «Идеализм» и общественные программы // Новый путь. 1904. № 10. С.264-265.
22. Ольминский М. Из истории дореформенной печати // Правда. 1904. №11. С.176.
23. Давыдов И. Указ.соч. С.318.
24. Булгаков С. Указ. соч. С.260.
25. Финн А. «Данайцы, несущие дары» // Правда. 1904. №9. С.186.
26. Здоровега В.И. Указ. соч. С.166.
27. Черпахов М.С. Указ. соч. С.134.
28. Ученова В.В. Гносеологические проблемы публицистики. С.47.
29. Киричек П.Н. Социология публицистики. Саранск, 1998. С.59.
30. Здоровега В.И. Указ. соч. С.167.
31. Новгородцев П. О философском движении наших дней // Новый путь. 1904. №10. С.67.
32. Фр[иш] Е. Из провинциальной жизни // Правда. 1905. №1. С.25.